

КАРНАУХОВА Оксана Сергеевна / Oksana KARNAUKHOVA

| Реконфигурация пространства в дискурсе постколониальности |

КАРНАУХОВА Оксана Сергеевна / Oksana KARNAUKHOVA

Россия, Ростов-на-Дону.

Южный федеральный университет, факультет философии и культурологии,
кафедра теории культуры, этики и эстетики, доцент, кандидат философских наук

Russia, Rostov-on-Don.

Southern Federal University, Faculty of Philosophy and Cultural Studies,
Chair of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, associate professor, PhD.besenenok@mail.ru

РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ДИСКУРСЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается пространственный поворот в представлении глобализационных процессов, который заключается в методологической интервенции географии в область культурных исследований. Глобализация рассматривается как процедура не просто освоения пространства, но его реконфигурации, а именно превращения «географически определяемой» территории в «культурно осваиваемое» место.

Культургеографический подход позволяет рассматривать глобализацию в контексте постколониального развития мира. Особую роль в данных процессах играет граница и процедуры ее преодоления. В этом смысле пространство обретает статус символического капитала, по отношению к которому устанавливается система коммуникаций.

Ключевые слова: территория, пространство, место, глобализация, постколониальность, культурный империализм, граница, перевод

Reconfiguration of Space in the Discourse of Postcoloniality

The article considers space issues and spatial changes within the framework of the globalization process, which is connected to the methodological intervention of geography in the sphere of cultural studies. Globalization is defined as a procedure related to the adoption of space, but also to its reconfiguration — the transformation of "geographically noticed" territory into a "culturally developed" place. Cultural geography's approach allows one to consider globalization within the context of the world's postcolonial development. The specific role of these processes is played by borders and the procedures for overcoming and crossing them. In a sense, space means finding the status of a symbolic capital, in accordance to which the system of communications is set up.

Key words: territory, space, place, globalization, postcoloniality, cultural imperialism, border, transfer

На первый взгляд ничто так не подтверждает существование единого пространства модерности, как глобализация, процесс неустраняемого движения к единой цели — всеобщности. Однако вслед за этим признанием обнаруживается, что глобализация вовсе не ведет к гомогенизации и тем более европеизации, а точнее, американизации. Глобализация — это не мир глобальных явлений, как подсказывает нам Саския Сассен¹, так как, во-первых, общество по-прежнему размещается на территории национальных государств; а во-вторых, глобализация — это характеристика явлений, которые не могут быть рассмотрены как локальные или национальные. Глобализация — это глобальные институты (глобальные финансовые рынки, ВТО) и международные социальные движения. В территориальных рамках может существовать как локали-

зация глобального, так и «денационализованные моменты национального».

Интервенция культурной географии в гуманитаристику позволяет пересмотреть подходы к изучению глобализации и связанных с ней явлений (мировых рынков, международных организаций), так как возникающие глобальные и локальные проекты имеют дело с территорией и ее границами, а дискуссии о гражданстве, идентичности, миграционных потоках вращаются вокруг проблемы оперирования пространством.

Саския Сассен, исследуя феномен национального государства, чтобы рассмотреть современные трансформации процедур влияния и авторитета в контексте глобализации, напоминает нам, что концепт национальной территории был предвосхищен в средневековье принятием концепта патрии, отечества. Таким образом, суверенная территориальная власть требовалась, чтобы вообразить то, что не может существовать

¹ Sassen S. Losing control? Sovereignty in An Age of Globalization. New York: Columbia University Press, 1996.

в материальной реальности, о чем говорит и Джон Рагги². Развитие территории и связанной с ней власти необходимо для понимания того, почему разделение мира в XVI веке было составной частью построения национальных государств и национальной формы капитализма.

Стандартизация оказалась важной способностью элиты и государственной бюрократии в превращении государства (абстракции, по большому счету) в наиболее важного экономического актора и ключевого организатора мировых экономических операций. Это усиление государства случилось, по мнению С. Сассен, до того, как было осознано национальное единство. Развитие государственных функций было критичным для консолидации национальной территориальной емкости.

Одной из наиболее важных особенностей исторического капитализма является «производство пространства», которое, по сути, есть процесс символизации, имеющий решающее значение для выживания капитализма, особенно в обстановке кризиса, как утверждал Анри Лефевр³. Лефевр включает в понятие производства все объекты творчества в различных формах, включая и те, где невозможно определить творца и нет следов производственного процесса. Само слово «производство» выходит за рамки, присваивая свойство глобальности. При этом производство пространства обретает визуальный характер. Здесь прослеживается связь между местом, обработанным коллективной волей, и мыслью, с одной стороны, и производительными силами, с другой. Ведь обрабатывалось именно место⁴, как значимое для человека.

Лефевр оперирует понятием социального пространства, которое, по его мнению, необъяснимо с точки зрения климата, географического положения или истории. Социальное пространство — это отношения. То же самое относится и к культуре. Т. е. культура рассматривается как символическое пространство, вписанное в пространство социальное, где причинно-следственные связи не имеют непосредственно влияния на происходящие процессы, т. к. в игру вступают так называемые посредники: действия социальных групп, факторы знания, идеологии, репрезентации. И взаимоотношения между объектами и акторами приобретают сетевой (синхронизированный) характер. Таким образом, и глобализация (т. е. те самые надстроечные элементы в виде международных рынков, регулирующих и контролируемых организаций) представляет собой процесс производства символического (вполне абстрактного, рационализованного) пространства.

С близких теоретических позиций Дэвид Харви⁵ выступает с теорией «пространственно-временного закрепления» или «пространственного закрепления» капитала. Интересно, что

закрепление капитала связывалось с установлением и поддержкой центром гегемонии, в противоположность нестабильной, и даже маргинализованной периферии.

Эта идея вытекает из концепции гегемонии Антонио Грамши, который использовал этот термин для описания роли рабочего класса при построении будущего общества. По сути, гегемония синонимична термину «диктат», который предстает более насыщенным негативными коннотациями и в большей степени относится к роли буржуазии. Гегемония предполагает нечто большее, чем влияние или постоянное использование репрессивного аппарата. Она пронизывает все общество — культуру и систему знаний, политику и интеллектуальную деятельность. Таким образом, гегемония пронизывает институты и идеи. Правящий класс поддерживает гегемонию всеми возможными способами, и один из них — операциональное знание. Можно сказать, что знание дает власть, а власть дает возможность влиять на знание. В данном контексте речь идет не столько о производстве физического пространства, сколько о производстве пространства социального, и именно здесь улавливается взаимосвязь между властью, знанием и пространственным закреплением.

Наше знание о материальном мире опосредовано концептами, абстракциями, и связь между реалиями и концептами, их обозначающими, не так легко определить. С другой стороны, мы легко уплотняем пространство функционально, оперируя такими понятиями, как «культурный центр», «рыночная площадь» и т. д., т. е. пространство имеет значение в случае своего операционального потенциала.

А. Лефевр утверждает, что:

1. Государство консолидируется, рационализируя пространство с помощью системы знаний, политических установок. Государство разрушает время, сводя различия к повторам и циклам. При этом государство представляет себя как стабильный центр.
2. В то же самое время государство провоцирует оппозицию.
3. Оппозиция неизбежно должна привести к восстанию периферии против стабилизирующего гегемонизирующего центра.

Как и Лефевр, Харви подчеркивает, что существует связь между пространственным закреплением и сдвигами гегемонии, с которыми столкнулись ведущие центры капиталистического развития. Неограниченное развитие новых регионов, начиная с послевоенного времени (экономический рост Японии, затем Тайваня, Сингапура, стран Юго-Восточной Азии, Китая после 1980-х годов) приводит к обесцениванию старых центров и усилению международной конкуренции. Если центр, которому брошен конкурентный вызов, является также гегемонистским центром, то в результате может произойти дефляция не только стоимости его активов, но и его власти. К тому же, это может угрожать социальной стабильности самого этого центра, потому что пространственное закрепление кризисов перенакопления всегда имеет социальное измерение, испытывающее на себе как положительное, так и отрицательное воздействие⁶.

² Ruggie, John Gerard. International Structure and International Transformation: Space, Time and Method // Global Changes and Theoretical Challenges. James, N. Rosenau and Ernst-Otto Czempiel, eds. USA: Lexington Books, 1989.

³ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010, №2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения 29.11.2011)

⁴ Там же.

⁵ Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development, Oxford University Press, 2006.

⁶ Арриги Дж. Утрата гегемонии-I. URL: <http://www.politizdat.ru/fragment/55/> (дата обращения 29.11.2011)

Д. Харви предлагает три концепта, увязывающих проблему операциональности пространства, глобального доминирования и нового империализма:

1. Пространственно-временное закрепление капитала — возможное решение капиталистических кризисов путем отнесения расходов/доходов будущих территорий и географических экспансий. Избыточный капитал заставляет искать прибыльные вложения в новые географические пространства. Происходит пространственное расширение системы накопления.
2. Кризис перемещения: местное сопротивление движению капитала из центра или периферии. Проблема баланса сил, которая выражается в ослаблении гегемона и росте новых держав.
3. Накопление путем лишения прав владения. Внедряются новые правила формирования способов оперирования пространством:

1. Отказ от идеи количественного расширения, т. е. мир как система остается структурно неизменным.
2. Сетевой характер режима.

Сдвиг гегемонии продолжился в результате начавшихся постколониальных движений протеста. Фиксируется стадия окончательного оформления нового полюса — бедного и недовольного Юга. И гипотеза, высказанная когда-то А. Грамши, неожиданно подтверждается расколом на Севере, который И. Валлерстайн называет духом Давоса, явно намечился раскол на «реформистов» и «сторонников Вашингтона до конца»⁷.

Национальное государство является исторической конструкцией. Но и глобализация — это не гомогенизированное пространство. С тех пор, как в 1968 году М. Маклюэн ввел в научный оборот концепт глобальной деревни, мировые культуры стали все более многоуровневыми, смешанными. Под глобализацией понимаются кумулятивные процессы мирового распределения производства и торговли, продукции и финансовых рынков, медиа и компьютерных программ, новостей и коммуникативных сетей, транспортных систем и миграционных потоков, а также рисков, связанных с технологиями, угрозами для окружающей среды, организованной преступностью и терроризмом⁸.

Глобализация, в основном как продукт технологии, медиасистемы, соединила мировые экономики в единую простую систему. И пока мульти- и транснациональные компании надеются на глобальный рынок в повышении благосостояния, становится ясно, что невозможно этого добиться только силами производств, находящихся на Западе, необходимо обратиться на Восток, в страны с низким уровнем дохода и зависящими от Запада правительствами.

Глобализация не меняет внутринациональное пространство, но затрагивает лишь конфигурацию национальных и внешне-национальных границ. Если иметь в виду, что реконфигурация границ не приводит к содержательному изменению системы отношений, то приходится признать, что идея о незавершенности не только модерна, но и колониализма имеет под собой

⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. — М.: Логос, 2003.

⁸ Хабермас Ю. *Divided West*. Sage. 2006.

основание. Как заметил Дж. Арриги, глобализация исторического капитализма ведет к усилению имперских космополитических правительственных и деловых организаций (национальных корпораций)⁹.

С другой стороны, наблюдается многомерность процессов, которая вытекает из двух векторов — детерриторизации и децентрации. Территоризация и детерриторизация, права и авторитет — это институционализации, конституирующиеся через специфические процессы производства пространства.

Д. Морли отмечает, что «локальное» не соотносится с какой-нибудь специфической территориальной конфигурацией. Локальное должно видаться как текучее и относительное пространство, конституирующееся только через и в глобальном¹⁰. С. Сассен вводит понятие транслокальности, которое сопрягается с предлагаемым понятием глобального неонеомадизма и подразумевает текучесть, изменчивость границ и рефлексивность поведения¹¹. Кроме того, временная и пространственная реконфигурация социально-экономической деятельности формирует новое понимание времени и пространства у тех, кто вовлечен в эти практики, и проецирует эти практики на более широкий социальный контекст. Этот процесс можно назвать пространственно-временной компрессией, которая обращает на себя внимание в первую очередь, не только обладая собственной динамикой, но и производя турбулентность вокруг вопросов, которые до сих пор сложно воспринять как часть общей трансформации.

Граница, вернее ее образ, является центральным звеном современных процессов реконфигурации. И в этом смысле сама глобализация предстает как мозаика пограничных режимов между центром и периферией, подчеркивающих существование международной системы территориальных демаркаций. При этом, как отмечает Ф. Барт, границы сохраняются, несмотря на то, что люди их постоянно нарушают. Т. е. необходимым условием существования категориальных этнокультурных различий является не отсутствие мобильности, контактов и информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которых дифференциальные признаки продолжают сохраняться, несмотря на изменения форм группового участия и этнической принадлежности на протяжении истории жизни того или иного индивида. Во-вторых, обнаруживается, что существуют устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения, которые устанавливаются поверх таких границ и зачастую базируются именно на дихотомии этнических статусов¹².

Локальное пространство может способствовать преодолению границ и появлению новых пространственных практик. Например, БРИК может рассматриваться как новая конфигурация пространства, т. к. включает не только традиционно формирующие ось Восток-Запад страны — Россию, Китай, но

⁹ Арриги Дж. Утрата гегемонии-I. URL: <http://www.politizdat.ru/fragment/55/>

¹⁰ Morley D. *EurAm, modernity, reason and alterity: or, postmodernism, the highest stage of cultural imperialism?* // Stuart Hall. *Critical Dialogues on Cultural Studies*. Ed. By D. Morley and Kuan-Hsing Chen. London, Sage. 2005.

¹¹ Sassen S. *Territory, Authority, Rights*. Princeton University Press, 2006.

¹² Барт Ф. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М, Проф-Пресс. 2006. С. 10.

и новое полушарие — Бразилию, которую невозможно соотносить с прежними границами. Таким образом, создается напряжение национального и глобального, однако глобальное вовсе не замещает национальное. Иначе говоря, параллельно с уже существующими иерархиями возникают новые масштабные процессы.

Проблема границ и их преодоления тесно связана с производством и превращением пространства. Однако более важно то, что происходящие изменения формируют новые типы границ. Поэтому возникновение новых конфигураций глобального пространства (ШОС, БРИК, ЕС) может быть представлено как «восстание периферии» в проекте «тотальной модерности».

Существует несколько интеллектуальных моделей, описывающих социально-политическое пространство и репрезентацию границ.

В частности, Э. Балибар¹³ указывает на распространенную модель столкновения цивилизаций, предложенную С. Хантингтоном. Хантингтон устанавливает цивилизационные границы, предполагая, что причина политических конфликтов лежит в религиозных коллективных идентичностях, в понятие цивилизации выводимо из идеи геополитического пространства. В итоге мы все оказываемся в ситуации пограничья, где идет борьба за цивилизационный уровень гегемонии.

Вторая модель связана с идеей о глобальных сетях (М. Кастельс, С. Сассен), вытекающей из ограниченности репрезентации политических пространств. В конце концов, мир достигает точки, где политические границы размываются, территория становится частным случаем детерриторизации. Важным положением в данном ключе является представление о процессе циркуляции объектов, субъектов, паттернов и т. д. Конечно, границы при этом не исчезают, но становятся относительными, подвергаются постоянной трансгрессии. Отсюда — постоянно возобновляемое обсуждение проблем диаспоризации и номадичности. Миграционные потоки укладываются в данную модель, привнося динамику и смещая границы в сторону «транснациональности».

Третья модель ведет происхождение из неомарксистской традиции, которой воспользовались и Ф. Бродель, и И. Валлерстайн. Это модель взаимодействия центра и периферии. По сути, речь идет об описании структуры (точнее отношений экономической зависимости и отношений власти) как мировой системы, складывание которой относится к XVI веку. В основе модели лежат четыре идеи:

Артикуляция политических и экономических процессов в современном обществе всегда уже детерминированы на глобальном уровне. Глобализация — это не поздний продукт трансформации капитализма в империализм, а логика этого процесса.

Мировая система экономик и государств означает международное разделение труда, что предполагает не только специализацию регионов и стран, но и иерархизацию трудовых сил.

Центр-периферия — это не только бинарная оппозиция, но логическая пара, включающая концентрическое деление — фронтиры цивилизации.

Решающими аспектами существования этой системы становятся эпизоды борьбы в самом ядре, которые приводят к успешной гегемонии над всей мировой системой, и с другой стороны, обратный эффект событий, происходящих на периферии. Иначе говоря, деколонизация — это обратная сторона глобализации.

Наконец, четвертая модель не предполагает существования ядра вообще. Существуют перекрещивающиеся пространства, например, евроатлантика, евразийское пространство и т. д. Поэтому вопросы о чистой идентичности или чистом гражданстве не имеют под собой основания¹⁴.

Политическое пространство становится публичным (или общественным), когда оно не только обозначено суверенными властями (включая транснациональные организации), но используется и конституируется гражданскими практиками, социальными конфликтами, дебатами и различными формами репрезентации.

Конституирование современного национального государства происходит через изобретение границ, и, по сути, является трансформацией пространства в территориально контролируемую монополистическую государственную власть. Иначе говоря, гетерогенное пространство с помощью границ всегда стремится превратиться в гомогенное. Поэтому состояние постколониальности во многом представляется как попытка удержания границ с целью сохранения гомогенизированного пространства.

Для Э. Балибара конституирующим элементом все же является не пространство, а территория, включающая не только различие и артикуляцию пространственных частей, но и их институциональных составляющих (язык, распределение труда и т. д.). Т. е. детерриторизировать означает признавать идентичности, осваивать коллективную субъективность через структуры власти. Именно таким образом, возникает фигура гражданина¹⁵.

Однако эти процессы неизбежно сопровождаются сопротивлением и тенденцией к детерриторизации. В эпоху глобализации границы колеблются и размываются, и внутренние идентичности уже не представляются привлекательными. Глобальные же границы появляются как территориальные проекции политического мирового господства. Это хорошо просматривается, если мы обратимся к постколониальности, которая позволяет переходить границы.

Опубликованная в 1961 году книга Франца Фэнона «Презренные люди Земли» стала библией борцов за деколонизацию, инспирировав войну против доминирования во всем мире. В то же время эта работа является и хрестоматией постколониальных исследований.

Постколониальный мир — это место, где происходит бесконечное микширование. И ничто так не отражает динамику постколониализма, как концепт перевода¹⁶. Может показаться, что нейтральное, техническое действие по переводу текста с одного языка на другой далеко от постоянно меняющегося ландшафта постколониального мира. Однако даже беглый

¹⁴ Ibid. P. 198.

¹⁵ Ibid. P. 192.

¹⁶ Young Robert J. C. Postcolonialism. A very short introduction. Oxford University Press. 2003. C. 138.

¹³ Balibar E. Europe as borderland// Environment and Planning Digital Society and Space. 2009. V. 27.

взгляд обнаруживает связи. Этимология слова «перевод», translation означает перенесение чего-либо через преграду, что сродни этимологии слова «метафора». Клонирование начинается как трансляция, копирование чего-либо в другом месте — Новая Англия, Новая Испания и т. д. И эта далекая репродукция всегда будет выглядеть отлично от оригинала.

Перевод — это также метафорическое перемещение текста из одного языка в другой. Если метафора включает версию перевода, то это потому, что метафора использует буквальный смысл в фигуративном значении, что превращает нечто в ложь. Создать метафору означает создать ложь, то, чего нет. Постколониализм имеет дело именно с такого рода трансформациями: изменением вещей, превращением их в то, чем они не являются.

Перевод с одного языка на другой означает изменение материальной идентичности. В случае с колониализмом трансформация местной культуры в субординированную культуру колониального режима происходит как процесс трансляционной дематериализации. И в то же время некоторые аспекты местной культуры могут оставаться непереводаемыми.

На практике перевод начинается как межкультурная коммуникация, но он всегда включает вопросы властных отношений и форм доминирования. Поэтому перевод не может избежать политических проблем, связанных с современными формами власти. Ни один акт перевода не происходит в нейтральной зоне абсолютного равенства. Некто переводит что-то или кого-то. И то, или кого переводят, трансформируется из субъекта в объект. И колонизируемый также погружается в условия переводимости или непереводаемости.

Языки, как классы или нации, существуют в иерархии: перевод сам по себе мыслится в терминах оригинала и копии. Колониальная копия становится более властной, чем туземный оригинал, который девальвируется. Копия как бы корректирует недостатки натуральной версии. Первоначальный акт колонизации состоял в переводе письменных и устных текстов на язык колонизаторов. Устные культуры попадали в сети письма, само же письмо, в отличие от социальной конструкции устных культур, выстраивало новую иерархию, поскольку было доступно лишь по привилегии. Перевод становится частью процесса доминирования, достижения контроля. Тесные связи между колонизацией и трансляцией начинаются не с актов обмена, а принуждения, присвоения, детерриторизации. А детерриторизация роднит колонизацию и глобализацию. Картирование оказывается неотъемлемым жестом империализма.

Однако было бы ошибкой полагать, что колониальный перевод — это односторонний процесс. Путешественники и завоеватели часто зависели от переводчиков и полагались на них в понимании всего, что связано с народами, среди которых они находились. Буквальное значение многих географических мест до сих пор означает «я не знаю, как называется это место». Неправильная трансляция, по большей части, связана с рамками Ориентализма, который включал репрезентацию иной культуры без референции к оригиналу. Термин «ориентализм», предложенный Э. Саидом, используется для обозначения специфического дискурса, в рамках которого Европа позиционирует себя по отношению к «Другому» (в данном случае «Востоку»). В свою очередь, Восток репрезентируется не как географиче-

ски, а как культурно определяемое пространство, принципиально отличающееся и от Европы, и от самого оригинала. Неверный перевод также давал возможности дипломатии, которая прикрывала повседневные формы сопротивления. Все это развилось в культуру лжи, которая транслировала значения местной культуры в доминирующую через инструмент мимикрии.

Если перевод включает властную структуру актов присвоения, он также может прояснить момент власти через акты сопротивления. Там, где местная культура открывается для присвоения культурой завоевателей, любой акт перевода включает акт предательства, традиционно оплакиваемая неудача перевода становится позитивной силой сопротивления.

Существуют и другие разновидности вторжения: миграция из периферии в центр. Перевод становится основной формой культурной деятельности мигранта в метрополии или постколониальном городе, т. к. он или она занимают более активную позицию культурных трансляторов. Переводя себя, мигранты затем сталкиваются с другими маргиналами, и транслируют их опыт, чтобы сформировать новые языки желания и подтверждения.

Детерриторизация является одним из знаковых моментов, связывающих постколониализм и культурный империализм. Место само себе больше не видится как внутренне гомогенное, связанное, но становится пространством взаимодействия, в котором локальные идентичности конструируются вне ресурсов, материальных или символических. Они могут быть не локальными по своему происхождению, но при этом остаются аутентичными. С другой стороны, непродуктивно мыслить культурный империализм как процесс, в котором внешние коррумпированные силы посягают на чистую сферу локального, которую необходимо защитить. Скорее мы должны думать о том, каким способом идентичности теряют свое пространство и при этом субъективируются в процессе «индигенизации». Т. е. мы должны оценить глобальные эффекты в терминах локальности.

Конвенциональная модель культурного империализма предполагает существование чистой, гомогенной, аутентичной культуры, которая затем искажается под внешним влиянием. Реальность, однако, такова, что любая культура включает инородные элементы из разных источников, чтобы затем постепенно натурализовать их. Таким образом, поиск понятия, выражающего географические пространства, населенные различными группами, чья идентичность может быть приписана к данному географическому пространству, оказывается крайне спорной идеей. Культурная гибридность — нормальное состояние дел в современном мире.

С другой стороны, «иностранный» — также категория спорная. Часто «иностранность» — это сущность национальности, также как класса и гендера, или другой формы социального различия. Иностранные элементы могут играть прогрессивную роль, поскольку они дестабилизируют локальные иерархии власти. Однако в случае доминирования американской культуры возникает вопрос: что такое «иностранный» в данном контексте? Если применить концепт «глобальной деревни», то можно говорить о деревне с американским доминированием. Но в этом случае следует задуматься о том, что сама американ-

ская культура еще более локализована, а общество провинциализировано, чем провинции американской империи.

Несмотря на кажущуюся схожесть понятий «космополитизм» и «номадичность». С. Холл предлагает с осторожностью подходить к проблеме гибридизации и диаспоризации культур¹⁷. На самом деле, номадичность романтизирует фигуру путешественника в обобщающей манере, что может неадекватно отражать современные идеологии традиции и ностальгии. Первый вопрос состоит в понимании отношений между местом и путешествием, между местным и экзогенным, между процессом индигенизации и глобализации. И как сказал Ф. Уэбстер¹⁸, мы не мультинациональны, мы мультилокальны.

С формированием Европейского Союза локальное и глобальное измерения выразились в рассмотрении Европы как Другого. Иначе говоря, возникает необходимость понять Европу через саму себя. Противоречия отразились в следующих тенденциях:

1. Разрушение суверенности, приводящее к размыванию границ внутри Европы.
2. Процесс модернизации первоначально снизил роль религии. Однако, как фиксирует Л. Харрисон, «диалектика секуляризации» такова, что в постсекулярной Европе возрастает роль и значение религии¹⁹.
3. Как заметили Ю. Хабермас, У. Бек, Ж. Деланти²⁰, современная европейская культура это культура апологии. Просить прощения стало модным в Европе. Однако данное действие превращается в спектакль, который, в свою очередь, свиде-

¹⁷ Stuart Hall: Critical Dialogues in Cultural Studies / Ed. by David Morley and Kuan- Hsing Chen. Routledge, 2004. С. 332

¹⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект Пресс, 2004.

¹⁹ Харрисон Л. Главная истина либерализма. М, Либеральная миссия. 2008.

²⁰ Delanty G. Modernity and Postmodernity. Knowledge, Power and the Self. Sage. 2000.

тельствует о кризисе репрезентации, т. к. именно просьба о прощении вновь и вновь возвращает нас во времена империи, скрепляя в культурной памяти «нищету и величие» бывшей империи.

4. Вопрос, который стоит перед независимыми государствами Европы, заключается в том, каким образом Европа должна защищать себя от глобализации. В этом и состоит один из парадоксов космополитизма — ситуация принадлежности или непринадлежности. Гордость за Европу и одновременно стыд за нее — характерная черта постнациональной Европы. Именно постнациональность легла в основу мультикультурной политики Европы. У. Бек²¹ назвал Европу музеем маленьких национальных государств.

Постколониальный срез культургеографических исследований глобализации подводят к мысли о том, что сегодня мы имеем дело не с абстрактным пространством, а с местом, связанным с личным опытом человека. И этот опыт включает и представление об определенной инфраструктуре, т. е. взаимосвязи элементов, конституирующих наше представление о месте, и возможности оперировать им. И если в обществе модерна инфраструктура заполняет места, делая их содержательными, рассматривая их как предмет особой системы знаний, то в обществе постмодерна инфраструктура стирается, места становятся призрачными и прозрачными. Именно здесь рождается локализация — ситуация напряжения локальных, символически насыщенных мест и глобального абстрактного пространства, создаваемого связями, системой коммуникаций. Но если мы говорим об отношениях как конституирующем принципе пространства, то и само пространство предстает перед нами как конструкт, результат детерриторизации.

²¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. — М: Прогресс- Традиция, 2007.

